ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦД2
Л462

ДЕМОНЪ

и

ЗАПРЕЩЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ЧЕТВЕРТОЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

---

ermontow, Demon und verbotene Gedichte.
Vierte vollständige Ausgabe.)

ЦД2
Л462

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.
1879.

E. L. Kasprowicz, Leipzig.

Благонамѣренный. 8. 12 Hefte — à 1 Mk.
(I. Руководство къ торговлѣ. — II. Англійскія тѣни. Разсказы. 1859. — III. Записки русскаго Гусара. Аралъ. 1859. — IV. Исторія Фердинанда VII. короля испанскаго. 1859. — V. Свѣтская философія или книга жизни. 1859. — VI-VII. Исторія французской революціи. 1860/61. — VIII. Географическія изученія. 1860. — IX. Германія и Нѣмцы. 1860. — X. Наука финансовъ. Исторія двухъ милліоновъ. 1861. — XI. О живописи и живописцахъ. 1861. — XII. Чтенія объ уголовномъ правѣ. Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія. 1862.)

Гейне, Г., Германія Съ предисловіемъ И. Тургенева. 1875. 16. 3 Mk. Geb. 4 Mk.

Жизнь Кесаря. Сочиненіе Наполеона III. 1865. 8. 20 Pf.

Лермонтовъ, М. Ю., Демонъ и запрещенныя стихотворенія. 1879. 32. 1 Mk. 50 Pf. Geb. 2 Mk. 50 Pf. (4. изд.)

Лютня. Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. 1869. 16. 5 Mk. 50 Pf. Geb. 6 Mk. 70 Pf. (4. изд. умнож.)

Лютня II. Потаенная литература XIX-го столѣтія. 1874. 16. 6 Mk. Geb. 7 Mk. 20 Pf.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе запрещенныхъ стихотвореній. 1879. 32. 1 Mk. 50 Pf Geb. 2 Mk. 50 Pf. (4. изд.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

THE RUSSIAN FREE PRESS FUND
3 IFFLEY ROAD, LONDON, W.

Ч.Д2.
Л462
Библиотека ИМЭЛ
413717
2012
У

ЦО2
1462

ДЕМОНЪ

и

ЗАПРЕЩЕННЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ТРЕТЬЕ, ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ.

(Lermontow, Demon und verbotene Gedichte.
Dritte vollständige Ausgabe.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.
1879.

Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1385
27

Часть первая.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей,
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой;
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ,
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ.
Счастливый первенецъ творенья
Не зналъ ни страха, ни сомнѣнья,

И не грозилъ душѣ его [1])
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта [2])
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья.
Нигдѣ искуству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ;
И глубоко внизу, чернѣя,
Какъ трещина — жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ.

И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и хищный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ — издалека,
Его на сѣверъ провожали,
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны.
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Твореньe Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И куща розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безответныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни
Густымъ вѣчнаныя плющомъ;
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени —
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи.
Какъ взоръ грузинки молодой..
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной.
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ.
И всё, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ...

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Грудовъ и слёзъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ; съ давнихъ поръ
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни —
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ и зурна льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою.
На пиръ онъ созвалъ всю семью...
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средъ игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами

Ужъ спрятанъ солнца полукругъ. [3])
Въ ладони мѣрно ударя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Берегъ невѣста молодая,
И вотъ она одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ развѣсистой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка.
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна;
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость живой

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной

Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порой,
Своей алмазною росой
Не брызгалъ на подобный станъ;[4])
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела!
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...[5])
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая пустынь
И незнакомая семья.
И часто грустныя сомнѣнья
Темнили свѣтлыя черты;
Но были всѣ сія движенья,
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,

Что если бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на неё взглянулъ,
То прежнихъ братьевъ вспоминая, [6])
Онъ отвернулся-бъ и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ .. На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ; [7])
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался — и мечты
О прошломъ счастьи цѣпью длинной,
Какъ-будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ;
Въ немъ сердце вдругъ заговорило
Роднымъ, понятнымъ языкомъ. [8])
То былъ ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ покорныхъ въ утѣшенье [9])
Найти въ умѣ своемъ не могъ...

Забыть!... забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья...
. . . . . .
. . . . . [10]

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ жениховъ петеріѣлиевый
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ берегов
Подъ тяжкой ношею даровъ,
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ стройный станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной.
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи;[11]) кругомъ она
Вся галуномъ обложена —
Цвѣтными вышита шелками

Его сѣдло, уздо съ кистями.
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой,
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный...
Ужь поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ.
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ молодой женихъ [12])
Обычай прадѣдовъ своихъ;

Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ;
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ ..
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,[13])
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ.
Нагайка щёлкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся; и выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ тишинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины!

XII.

И стихло всё. Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ. Порой
Ихъ колокольчики звенѣли.[14])
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница

Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты бѣлыми чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За-то усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ.
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной,
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей сѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани.
Храпитъ и рвется, будто къ брани:
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти бѣжитъ.

На немъ сѣсть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чапракѣ его видна.
Скакунъ надежный господина
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла:
Но злая пуля Осетина
Его во мракѣ догнала!

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны
Толпится на дворѣ народъ.
Чей конь примчался запыленный
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?...
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела;
Въ крови оружіе и платье,
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младого,
Жевѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:

На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы, но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззащитную семью
Какъ громъ слетѣла божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдая, бѣдная Тамара.
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ-будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
„Твоя слеза на трупъ безгласный
„Живой росой не упадетъ:
„Она лишь взоръ туманитъ ясный,
„Ланиты дѣвственныя жжетъ!
„Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
„Не оцѣнитъ тоски твоей:
„Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
„Безплотный взоръ его очей.
„Онъ слышитъ райскіе напѣвы. .
„Что жизни мелочные сны,
„И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
„Для гостя райской стороны?

„Нѣтъ, жребій смертнаго творенья.
„Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
„Не стоитъ одинаго мгновенья
„Твоей печали дорогой!
„На воздушномъ океанѣ,
„Безъ руля, и безъ вѣтрилъ,
„Тихо плаваютъ въ туманѣ
„Хоры стройные свѣтилъ
„Средь полей необозримыхъ
„Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
„Облаковъ неуловимыхъ
„Волокнистыя стада.
„Часъ разлуки, часъ свиданья
„Имъ не радость, не печаль:
„Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
„Имъ прошедшаго не жаль.
„Въ день томительный несчастья
„Ты объ нихъ лишь вспомяни;
„Будь къ земному безъ участья
„И безпечна, какъ они!
„Лишь только ночь своимъ покровомъ
„Верхи Кавказа осѣнитъ,
„Лишь только міръ, волшебнымъ сло-
[вомъ
„Заворожённый, замолчитъ,
„Лишь только вѣтеръ надъ скалою
„Увядшей шевелитъ травою

„И птичка, спрятанная въ ней,
„Порхнетъ во мракѣ веселѣй,
„И подъ лозою виноградной,
„Росу небесъ глотая жадно,
„Цвѣтокъ распустится ночной —
„Лишь только мѣсяцъ золотой
„Изъ-за горы тихонько встанетъ
„И на тебя украдкой взглянетъ —
„Къ тебѣ я стану прилетать,
„Гостить я буду до денницы,
„И на шелковыя рѣсницы
„Сны золотые навѣвать ...“

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленьи
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ;
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи.
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ, чудно новый,
Ей мнилось, всё еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный

Глаза усталые смѣжалъ;
Но мысль ея онъ возмучалъ
Мечтой пророческой и страшной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ-будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

Часть вторая.

I.

„Отецъ, отецъ! оставь угрозы,
„Свою Тамару не брани!

„Я плачу. Видишь эти слезы?
„Уже не первыя они [16])
„Не буду я ни чьей женою,
„Скажи моимъ ты женихамъ:
„Супругъ мой взятъ сырой землею,
„Другому сердца не отдамъ.
„Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кро-
[вавый
„Мы схоронили подъ горой,
„Меня смущаетъ духъ лукавый
„Неотразимою мечтой.
„Въ тиши ночной меня тревожитъ
„Толпа, печальныхъ, страшныхъ сновъ;
„Молиться днемъ душа не можетъ;
„Мысль далеко отъ звука словъ,
„Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
„Я сохну, вяну день отъ дня.
„Отецъ! душа моя страдаетъ...
„Отецъ мой, пощади меня!
„Отдай въ священную обитель
„Дочь безразсудную свою:
„Тамъ защититъ меня Спаситель;
„Предъ нимъ тоску мою пролью.
„На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
„Святыни миромъ осѣня,
„Пусть приметъ сумрачная келья,
„Какъ гробъ, заранѣе меня.“

II.

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой [16])
Въ ней сердце билося, какъ прежде
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы божественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ испаренья
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ! [17])

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой,
Чинаръ и тополей рядами

Онъ окруженъ былъ; и порой,
Когда ложилась ночь въ ущелья,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ —
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи съ студёною водой —
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущелья,
Катились дальше, межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы;
При блескѣ утренней аврры.
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэзины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда грузинка молодая,

Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой!
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались,
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой,
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но Демонъ огненнымъ дыханьемъ
Тамары душу запятналъ,
И божій міръ своимъ блистаньемъ
Восторга въ ней не пробуждалъ
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней;
И стало всё предлогъ мученью, [18])
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ —
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньи

Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,[19])
И трель живую соловья,
Сквозь шумъ далекаго ручья.
Порою разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ ей рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта!

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
И смотритъ въ даль прелестнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: „онъ придетъ!“[20])
Недаромъ сны ее ласкали,
Недаромъ онъ явился ей
Съ глазами полными печали
И съ чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;

Святымъ захочетъ помолиться,
А сердцемъ молится ему!
Утомленъ борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна,
Подушка жжетъ — ей душно, страшно,
И вдругъ вскочивъ, дрожитъ она:
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи [21],
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . . . .
. . . . . [22])

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ
Привычкѣ сладостной послушный
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ;
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить. И была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій;
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ [23])
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ

Онъ поднялъ взоръ; ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ, средь общаго молчанья,
Чингара [24]) стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались.
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мирно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ-ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?
Тоску любви, ея волненье,
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться.
Его крыло не шевелится,
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный видѣнъ камень
Слезою жаркою, какъ пламень,
Нечеловѣческой слезой!

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра.
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ — смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ.
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Прикрылъ её крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

IX.

„Духъ безпокойный, духъ порочный,
„Кто звалъ тебя во мглѣ полночной?

„Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
„Зло не дышало здѣсь понынѣ!
„Къ моей любви, къ моей святынѣ
„Не пролагай преступный слѣдъ!
„Кто звалъ тебя?“
...Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Стариной ненависти ядъ.
„Она моя,“ сказалъ онъ грозно,
„Оставь её, она моя!
„Явился ты, защитникъ, поздно,
„И ей, какъ мнѣ, ты не судья [25])
„На сердце полное гордыни
„Я наложилъ печать мою;
„Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни!
„Здѣсь я владѣю — я люблю!!“
И Ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ,
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эфиръ неба потонулъ...
. . . . . .
. . . . . [26])

X.

Тамара.

О кто ты? рѣчь твоя ужасна![27])
Тебя послалъ мнѣ адъ, иль рай?
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но молви, кто-жъ ты?... отвѣчай![28])

Демонъ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ;
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы;
И видишь — я у ногъ твоихъ!!...

Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ —
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ!
О, только выслушай, молю!
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей;[29])
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй.
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася, какъ змѣй.
Что безъ тебя теперь мнѣ вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу.
Творецъ! .. Увы, я не могу
Молиться! гибельной отравой
Мой умъ слабѣвшій объятъ. — *)
Послушай, ты меня погубишь,
Твои слова огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ.

Зачѣмъ, красавица? Увы!
Не знаю — полонъ жизни новой
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ —
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты —
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало.

Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя не доставало!
О! еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь вести безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всего желать, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть —
Все противъ воли ненавидѣть
И все на свѣтѣ презирать![31])
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно;
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата —
Но что же! Прежняго собрата
Не узнавало ни одно!...
Изгнанниковъ себѣ подобныхъ
Я звать въ отчаяніи сталъ;

Но слов, и лиц, и взоров злобных,
Увы! я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался. Но куда? зачѣмъ? —
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отверженъ — какъ эдемъ,
Міръ для меня сталъ, глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья,
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
И я людьми недолго правилъ,
Грѣху недолго ихъ училъ:
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ —
Недолго. Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ — я залилъ въ нихъ...
А стоили-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы и лицемѣры?...[32])
И скрылся я въ ущельяхъ горъ
И сталъ бродить, какъ метеоръ.

Во мракѣ полночи глубокой.
И мчался-ль путникъ одинокой,
Обманутъ близкимъ огонькомъ
И въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ... лишь слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,[34])
Одинъ, межь небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я мрачный и нѣмой.
И бѣлогривыя мятели,
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли —
Какъ часто подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Одѣтый молніей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ;
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что́ повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?

Что люди? Что их жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ!
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ.
Моя-жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнутъ въ могилѣ ей!
Она, то ластится, какъ змѣя,
То жжетъ и душитъ, будто пламень
То давитъ мысль мою какъ камень
Мечтаній прежнихъ и страстей —
Несокрушимый мавзолей!

Тамара.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали.
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ.....

Демонъ.

Противъ тебя ли?

Тамара.

Насъ могутъ слышать!

Демонъ.

Мы одни.

Тамара.

А Богъ!

Демонъ.

На насъ не кинетъ взгляда
Онъ занятъ небомъ, не землей!

Тамара.

А наказанье, муки ада?

Демонъ.

Такъ чтожъ? ты будешь тамъ со мной?

Тамара.

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ слу-
[чайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольно я, съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты обманъ тая...[35])
О! пощади... какая слава!
На что тебѣ душа моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!...
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи! ты видишь, я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!

Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь,
И сжалился, конечно, ты?
Клянися мнѣ... отъ злыхъ желаній
Отрѣчься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель, ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчнымъ правды торжествомъ —
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой!
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братьевъ мнѣ подвластныхъ,
Слезами ангеловъ безстрастныхъ,[56])
Монахъ недремлющихъ враговъ —
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Нелобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей,

Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей!
Отрѣкся я отъ старой мести,
Отрѣкся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ!
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тобя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣденьи спокойномъ
Пусть процвѣтаетъ безъ меня.
О, вѣрь мнѣ! я одинъ поймётъ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ.
Въ любви какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣнемъ и великъ![37])
Тебя, я вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра
Подруга вѣчная моя.
Безъ сожалѣнья, безъ участья

Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты:
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти пылкой горько жить;[30]
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни,
Ни ненавидѣть, ни любить
Ляль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Согласна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?[31]
И пусть другіе-бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ души неба не касались,
Міръ лучшій недоступенъ имъ,
Но ты, прекрасное созданье,
Не въ жертву имъ обрѣчена:
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ,
Пучину гордаго познанья
Взамѣнъ открою я тебѣ;

Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ,
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой;
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его осыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой обовью,
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на руку твою;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою:
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное...
Люби меня!.....

XI

И онъ слегка
Коснулся жаркими устами

Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ,
Могучій взоръ смотрѣлъ онъ въ очи,
Онъ жегъ ее... во мракѣ ночи
Надъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно кровь ея проникъ.
Мучительный, но слабый крикъ [40])
Ночное возмутилъ молчанье;
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой...
. . . . . .
. . . . . [41])

XII.

Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой
Когда ударилъ часъ урочный,
Бродилъ съ чугунною доской;
И подъ окошкомъ дѣвы юной [42])
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,

И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Чуть внятный крикъ и слабый стонъ.[11])
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика.
Но прошлось еще мгновенье —
И смолкло все. Издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святова
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злова
Отъ грѣшной мысли отогнать.
Крестить дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь.
И молча, скорыми шагами,
Обычный продолжаетъ путь.

XIII.

Какъ Пери спящая мила
Она въ гробу своемъ лежала.

Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
На вѣкъ опущены рѣсницы...
На кто-бъ, взглянувши, не сказалъ [44],
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И чудный, только ожидалъ
Ляь поцѣлуя, ияь денницы!
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой,
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родные цѣловали — —
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать! [45])
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка страстная застыла,
Едва мелькнувши на устахъ:
Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? насмѣшка-ль надъ судьбой,
Непобѣдимое-ль смиренье,
Ияь къ жизни хладное презрѣнье,
Ияь съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать! Для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,

Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждый выраженья
Лишенный чувства и ума,
Таинственный, какъ смерть сама.
Ни разу не былъ въ дни веселья,
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ
И сжаты мертвою рукой,
Какъ бы прощаются съ землей.

XIV.

Ужъ собрались въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Теряя локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,

Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня;
И повздъ тронулся. Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межь старыхъ дѣловыхъ костей
Прютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ практиковъ Гудала,
Грабитель путниковъ и сель,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межь снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоился тамъ,
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ;
Какъ будто ближе къ небесамъ,
Теплѣй посмертное жилище!...
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится?
Напрасно! Мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XV.[46])

Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася мятель.
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ замѣтала
Недавно вѣренный ей прахъ.
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья гласъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился Ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой;
И въ тоже время царь порока
Туда примчался, съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденнаго потока
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ надвижимыхъ таилась;
По слѣду крыль его тащилась
Багровой молніи струя
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Всё, что любилъ и ненавидѣлъ,

То шумно мимо промелькнувъ;
И взоръ пронзительный кидая,
Послѣ потерянныго рая
Улыбкой горькой упрекнувъ

XVI.

На склонѣ каменной горы
Надъ Кайшаурскою долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной;
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ.
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосъ нестройный гуль
Теряется, и караваны
Идутъ, звѣня, издалека —
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится, шутя,
Какъ беззаботное дитя.

XVII.

Но грустенъ замокъ, отслуживши
Когда-то очередь свою.
Какъ бѣдный старецъ, переживши
Друзей и милую семью —
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы,
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы:
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца;
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ грозныхъ сѣчъ,[47])
Ненужный падшему герою...

XVIII.

Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ! Рука вѣковъ

Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!...

XIX.

Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межь тучъ еще понынѣ;
И у воротъ еще стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Плащами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченныя вдругъ,
Висятъ нахмурившись, вокругъ
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака одни

Спѣшатъ толпой на поколѣнье.
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ!
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

Посвященіе.

(Приписанное въ концѣ одного изъ экземпляровъ Демона.)

Я кончилъ — и въ груди невольное [сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый [звукъ —
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое [пѣнье —
Тебя, забывчивый, но незабвенный [другъ?
Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ [сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную [тетрадь,

Ты — только мертваго, пустаго одо-
[бренья
Наложишь на нее тяжелую печать —

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей много
[лѣтъ,
И пріймешь за игру, изъ сонъ вообра-
[женья
Больной души тяжелый бредъ?...

Второе Посвященіе.

Прими мой даръ, моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ Ангелъ для того!

Скажу ли? — преданъ самовластно
Страстей печальныхъ и судьбѣ,

Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ Демонъ, хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ,
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій
И для надеждъ — и для небесъ!

1831 г.

Второй очеркъ Демона.

(1830)

Cain. Who art thou?
Lucif. Master of Spirits.
Cain. And being so canst thou
Leave them and walk with dust?
Lucif. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.
Cain. Are ye happy?
Lucif. We ary mighty.
Cain. Are ye happy?
Lucif. No; art thou?...

1.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились предъ нимъ.

Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращалъ отъ него;
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность.
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался;
И часто Демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученной болѣлъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть довольенъ,
Все горько дѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не веря ни чему
И ничего не признавая.

2.

Однажды вечером межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ безъ радости, безъ горя,
Ангелъ Эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ: бѣлѣютъ подъ горой —
Стѣна обители святой
И башенъ старинныя вершины
Межъ бѣдныхъ келей тишина —
Встаетъ багровая луна —
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ —
Его крыло не шевелится
И — чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
По лицу возлѣ кельи той
Насквозь прожженный видитъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой...

3.

Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанья и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Всѣ оживилось въ немъ опять;
Но что-жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ — она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.

Проникнулъ въ келью духъ смущеній
Людскаго счастья тайный воръ
Минуетъ образъ позлащеній;
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зритъ божественныя книги,
Лампаду, чотки и вериги...
Но гдѣ-же звуки? гдѣ-же та,

Къ которой сильна мечта
Его влечетъ?

Она сидѣла
На ложе съ лютнею въ рукахъ,
И пѣснію горъ, играя, пѣла;
И все, все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольцы мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой то думой,
Младая волновалась грудь
Вогъ поднялась На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монахини сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платье отдѣлалась;
И струны отвѣчали ей.
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена
Межъ-темъ, какъ путникъ любопытный
Въ окно, участьемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,

Смотрѣла ясная луна.
Окован сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердце допустить.
Онъ связанъ клятву роковою
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною)
. . . . . .
. . . . . [48])

Онъ искушать хотѣлъ — не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть? — забвенья не далъ Богъ;
Любить? — не доставало чувства
Что дѣлать? — Новыя мечты [49])
И чуждыя по нынѣ муки!
Такъ, Демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ быть,
Она твоею жертвой будетъ.

И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладить ничего...

4.

Спустя столѣтъ, пергаменъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ
Что это памятникъ могильный
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Шѣнить онъ чувства не привыкъ.[60])

5.

Печальный Демонъ удалился
Отъ силы адской съ тѣхъ поръ,

Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые мары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, нехожалый путь
Когда метель гудитъ и свищетъ.
Онъ охраняетъ пришлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ лѣтучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится по облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ

Прошелъ. . Да, любить онъ можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться я,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться я,
Чтобъ разъ въ ея очи посмотрѣть
И невозвратно улетѣть.

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо южное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утро озарило,
Какъ Демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и кельи,
И подъ рѣшотчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. — И кругомъ
Обходитъ Демонъ, но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними
Томясь муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто-бы онъ тамъ погубитъ,

Что на минуту отдалъ рокъ...
Теперь лишь видно что онъ любитъ!

Теперь лишь признаки любви.
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень невѣдомой крови —
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!...

Все тихо Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

Пѣснь Монахини.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вѣчеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой —
Не забуду его никогда
Къ другой онъ лѣтѣлъ, или ко мнѣ:
Я напрасно-бъ старалась узнать.
Быть можетъ то было во снѣ
Ахъ, всю жизнь такъ нельзя мнѣ
[спать![51])

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я повыше съ младенческихъ дней;
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.
  Виновна я быть не должна:
  Я горью не любовью земной;
  Чиста, какъ мой ангелъ, она,
  Мысль о ней неразлучна съ тобой.
Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.
  Онъ въ сладкомъ снѣ
    Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
  Звѣзда
Надеждъ въ странѣ иной,
  Моей виной,
    Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть;
  Любить
    Назначено тобой!

7.

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.

Непобѣдимою судьбой
Гонимый, Демонъ безотрадный,
Проникнулъ въ келью. Что-же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви — могильный стонъ,
Какъ эхо изъ груди разбитой,
Протяжно вышелъ наконецъ,
И сердце яростью облито
Отяжелѣло какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухъ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ, хоть взоръ отверстъ:
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнія — но къ чему?
Что̀ показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!...
И мщеніе, ненависть и злоба

Выиграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различ-
ныхъ,
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣсняться! Сколько думъ
Мѣняютъ безпокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ! Прежняя любовь
Не будетъ для нея отрадой...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ-бы Демонъ сожалѣнье,
И благодарное прощенье
Ему-бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
Кипитъ онъ, ревностью пылая —
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ, черныхъ думъ.[45])
Онъ образъ смертныхъ принимаетъ

Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что-жъ? Очей тѣхъ пламень — ядъ.

Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая:
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя —
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадается туда
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей.

10.

Лампада въ кельи чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ,
Она, какъ смерть блѣдная, внемлетъ...

Она.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.

Къ чему-жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? Рѣчь твоя опасная!
Чего ты хочешь?

Духъ.

Ты прекрасная.

Она.

Кто ты?

Духъ.

Я Демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья,
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ;
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.

Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми безпріютный —
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
Я полюбилъ свои мученья —
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролѣтающую тѣнь...
. . . . . .[53])
Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ
И поцалуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Сладѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

II.

Въ часы суровы непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ

Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ душевалъ,
И темно – сѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему зоветъ отшельницъ онъ?.
Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижимостью без-
[страстной.
Зачемъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты.
Уста закрытыя безцвѣтны.
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весма не давно
Владѣли дурною душой,

Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой.

За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Серебристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала:
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ:
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
„О!... Демонъ!... О, коварный другъ
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любитъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!“
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки прелестной —
Тогда не понялъ старецъ честный,

FUND

И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной
Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ тѣхъ поръ помчалось много лѣтъ;
Пустѣла древняя обитель,
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ росписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось дашь, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды

Искала въ кельѣ, и порой
Забытокъ утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но иныхъ ни чему
Нельзя встревожить тишину[34])
Что можо падать — то упало,
Что мреть — то умерло давно
Что живо — то безсмертно стало!
Но время въ живѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море единоко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою
Однажды, утренней порою,

Съ глубокой думою стоялъ
Лилія Эдема, ангелъ мирный,
И слезы, молча, утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія, какъ левъ,
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крыля легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечами сіяли.
И былъ небѣсный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо — — Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось —
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
. . . . . [55])
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья,
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!

Онъ близъ могилы помелькнулъ
И, взоръ презрительный кидая,
Посла помраннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

Я не для ангеловъ и рая
Все сильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая?
Про это больше знаетъ онъ.
Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ Демонъ, съ гордою душой,
Я межь людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой:
Прочтя мою съ его судьбою
Воспоминаньемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

Новый очеркъ Демона [56]).

2. [57])

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли, безъ пріюта...
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межь людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье —
Но до него, какъ и при немъ,
Ужь вѣры не было ни въ комъ.
И, полонъ скуки непонятной,

Онъ скоро кинулъ міръ развратный
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ, надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межь небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ онъ — мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы, у ногъ его ревѣли.

3.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра — и на вѣчность
Онъ приглядѣлся — — Но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался,
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,

Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ —
Грозой оторванный листокъ —
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая.

4.

Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ, заботливыхъ творецій;
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцовъ уроки:
У переимчивыхъ людей
Не измѣнялися пороки!
Все также грозныя слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ,
Смѣшнымъ казались подражаньемъ
Непредназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

5.

Какъ черный саванъ, на земѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
Гнѣздилися, какъ великаны,
Громады черныхъ облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

6.

О море, море!... Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ [словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья

И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣной незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ-вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ разволоченныя гривы
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ.
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...[58])

ЧАСТЬ II.

3[59]).

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таился монастырь святой;
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ, и порой,
У стѣнъ его, прохлады полны,
Однообразно бились волны;
Кругомъ его густыхъ деревъ

Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, островъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней —
Символъ спасенія забвенный —
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Напоромъ бури и дождей
Когда-жъ ложилась ночь въ ущелии —
Внутри мелькала въ окнахъ келіи
Лампада схимницы младой...[99])

8.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упованій,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ —
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?... одной минутой рад
Не оживетъ душа пустая!
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться,
Ей ждать нельзя — она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.

9.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра.
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ-будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой.
Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ-будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей;
У стѣнки дѣвственное ложе;
Луна, смѣясь, въ окно глядитъ —
А у окна... всесильный Боже!
Что съ нимъ? — онъ млѣетъ, онъ дро-
[житъ...
По звонкимъ струнамъ ударяя,
Блѣдна, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Она, монахиня младая,

Сидѣла молча передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды, первыя творенья.
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой...
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленье, муки,
Слова надежд, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота...
И грудь высоко поднималась,
И обнаженная рука —
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака —
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога!
Но взоръ онъ поднялъ — передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ, съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнялъ ее крыломъ.

Они счастливы, святы оба!
Довольно! Ненависть и злоба
Въ его душѣ взыграли вновь...
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межь рабовъ
Великому Царю вселенной,
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на презрѣнное чело
Проклятье вѣчное легло.
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто мирнаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

11.[61])

Тамара.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Забыть волненіе страстей;
Къ чему-жь теперь меня смущаешь
Любовью страстною своей?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?...[62])
. . . . . .

Демонъ.

. . . . . .
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!
Не искушать пришелъ я душу;
Ты о спасеньи не молись:
Святыни здѣшней не нарушу;
Меня, Тамара, не страшись!
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ;
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не знаю радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перекатный метеоръ,
Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья;
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты — ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь,

И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь!

Тамара.

Оставь меня...[63])

. . . . . .

Демонъ.

. . . . . .

Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись — и пожалѣй!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ...[64])

. . . . . .

Тамара.

А наказанье? муки ада?

Демонъ.

Такъ что-жь? Ты будешь тамъ со мной
Мы станемъ жить, любя, страдая

И адъ намъ будетъ стоитъ рая.
Оставь сомнѣнія свои!
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
На рабство тихое отдать.
Лишь только божіе проклятье
Исполнилось...[65])

12.

И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ устамъ;
Соблазна полными рѣчами,
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ —
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи...[66])

FUND

14[67]).

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ.
Его глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно

Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая лѣва!...
Какъ злакъ потоптанныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой!
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!
Земля взяла свое земное —
Она назадъ не отдастъ...

ЭПИЛОГЪ.

. . . . . .
И не напомнить ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,

На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Теперь гуляютъ лишь метели
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
И время — вѣчный разрушитель —
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ — и храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей —
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельи. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:

Что можетъ падать — то упало,
Что мретъ — то умерло давно,
Что живо — то безсмертно стало,
И время въ-живѣ удержало
Воспоминаніе одно...

Примѣчанія и варіанты.

[1]) И не грозилъ душѣ его.

[2]) Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта

[3]) На этомъ стихѣ кончалась строфа и начинались слѣдующіе зачеркнутые стихи:

И вотъ невѣста молодая
Берегъ свой бубенъ росписной,
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна,
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;

И жаждой страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокій.

4) Не омывалъ подобный станъ.

5) Первыми десятью стихами этой строфы замѣнены написанные первоначально слѣдующіе семь стиховъ:

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то полуземное,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.

6) То прежній рай воспоминая,
7) Тогда родилось въ немъ; но [вдругъ —
8) Онъ съ новой думой сталъ знакомъ;
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Родимымъ, когда-то, языкомъ.
9) Онъ словъ коварныхъ искушенья
10) Точки въ рукописи
11) „Чухи“ верхняя одежда съ откидными рукавами
12) Но презрѣлъ удалой женихъ
13) „Папахъ“ шапка въ родѣ Эриванки.
14) Затихло всё. Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ, порой,

Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли
[15]) Потомъ написаны были слѣдующіе стихи:
Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальныхъ мѣстъ.
Не мало въ Грузіи невѣстъ,
А мнѣ не быть ничьей женою.
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтишь, день отъ дня
Я вяну жертвой злой отравы;
Мнѣ терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой
Я гибну, сжалься надо мной:
Отдай въ священную обитель —
(и проч.)
[16]) Все безразсудною мечтой
[17]) Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?
[18]) Но полно думою преступной,
Тамары сердце не доступно
Восторгамъ чистымъ; передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью,
И все ей въ немъ предлогъ мученью,
[19]) И мыслитъ онъ: то гордый духъ
Прикованный къ пещерѣ стоитъ

И чуткій напрягая слухъ
Коня измученнаго гонитъ.
[20]) И сердце шепчетъ: „Онъ придетъ!“
[21]) Пылаютъ грудь ея и плечы.
[22]) Точки въ рукописи.
[23]) Бродитъ онъ; отъ его шаговъ
[24]) „Чингаръ — чингура“ — родъ гитары.
[25]) И дѣлъ моихъ ты не судья.
[26]) Точки въ рукописи.
[27]) О кто ты? Рѣчь твоя опасна!
[28]) Но кто ты, кто ты?... отвѣчай!
[29]) Вмѣсто этихъ 7. стиховъ прежде были слѣдующіе:

Лишь только я тебя увидѣлъ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно
И страшно розно жить съ тобой.

[30]) Прежде были слѣдующіе стихи:

Оставь меня, о духъ лукавый!
Не вѣрю я твоей любви...
Творецъ! я не могу, увы,

Молиться даже... злой отравой
Мой умъ слабѣющій объять.
Стараться все возненавидѣть
И все безпощадно презирать!
А стоило-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы и лицемѣры...
Какъ часто на скалѣ кремнистой,
Надеждъ погибшихъ и страстей —
И лишь ее ты зло таи...
Мечтами ангеловъ безстрастныхъ.
Я не мятежникъ, я вѣнецъ!
Гдѣ страсти мелкой только жить
Вмѣсто этой строфы была
сначала написана слѣдующая:
И своеправія мечты?...
Нѣтъ не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть, молча, въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ.
Печально, за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далекой
Отъ Божества и отъ людей.

О, цѣть! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена
Тебя иное ждетъ страданье, (и проч.)
[40]) Мгновенно въ грудь ей проникъ
Мучительный, ужасный крикъ —
[41]) Точки въ рукописи.
[42]) И вслѣдъ всѣмъ дѣвы юной
[43]) Минутный крикъ и слабый стонъ
[44]) Но кто-бъ, о небо, не сказалъ,
[45]) Сверхъ того по другой рукописи это мѣсто читается такъ:

Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ чуждый выраженья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственный какъ смерть сама
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ,
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хладное презрѣнье
Души, готовой отцвѣсти,

Послѣдней мысли выраженье,
Земля безгласное — прости,
Напрасный отблескъ жизни преж-
[ней —
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
На вѣкъ угасшихъ очей *).
Такъ въ часъ торжественный за-
[ката,
Когда, растая въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отнявъ румяный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьи;
Но тотъ лучъ полуживой
Въ пустынье отблеска не встрѣ-
[титъ,
И путь ни чей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины медяной.

*) Вмѣсто этихъ 4-хъ строфъ были сначала написаны слѣдующія:

Летучій отблескъ прежней жизни.
И въ чудныхъ огневыхъ глазахъ
Какъ въ этихъ свѣтлыхъ небесахъ,
Божественной не отразилось мысли.

[68]) Подругой рукописи намъ извѣстны еще этотъ варіантъ, вмѣсто здѣсь выписанныхъ строкъ:

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой аромагъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ-бы прощаются съ землею!
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ быту страстей и упоенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ;
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хмурое презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ безчувственное прости.

Напрасный отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для чувства безнадежней
На вѣкъ угасшихъ очей.
Такъ, въ часъ торжественный заката,
Когда, растая въ морѣ злата,
Ужь скрылась колесница дня,
Сѣдая Кавказа, на мгновенье
Отливъ пурпурный сохраня,
Сіяетъ въ мглистомъ отдаленьѣ;
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встретитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной!...

Но по третьей рукописи была написана слѣдующая строфа:

Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери худала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба постучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный фиміамъ:
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій звукъ послѣдній
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,

Окончаніе тоже что и въ оригиналѣ отъ послѣдней здѣсь строки.

Въ изданіи Пыпина, 1873 напечатали вмѣсто оцѣлаго XV-го стиха слѣдующій.

Въ пространствѣ сіяго эфира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ.
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ.
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносился, какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ
Онъ былъ могучъ, какъ вихорь [шумный,
Блисталъ, какъ молніи струя.
И гордо въ дерзости безумной
Онъ говоритъ: „она моя!“
Молитвой ужасъ заглуша,
Къ груди хранителя прижалась
Тамары грѣшная душа.

Судьба грядущаго рѣшалась —
Предъ нею снова онъ стоялъ;
Но Боже! кто-бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ грознымъ
[взглядомъ,*)
Какъ полонъ былъ смертельнымъ
[ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣялъ могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.
„Исчезни мрачный духъ со-
[мнѣнья," —
Посланникъ неба отвѣчалъ —
„Довольно ты торжествовалъ,
„Но часъ суда теперь насталъ,
„И благо Божіе рѣшенье
„Дни испытанія прошли;
„Съ одеждой бренною земли
„Оковы зла съ нея ниспали **)
„Узнай: давно сё мы ждали;
„Ея душа была изъ тѣхъ,
„Которыхъ жизнь одно мгновенье
„Невыносимаго мученья.

---

*) Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ
[взглядомъ,
**) Оковы зла съ нея мы сняли.

„Недосягаемыхъ утѣхъ.
„Творецъ изъ лучшаго эѳира
„Сотклъ живыя струны ихъ,
„Онѣ не созданы для міра,
„И міръ былъ созданъ не для нихъ.
„Цѣной жестокой искупила
„Она сомнѣнія свои,
„Она страдала и любила,
„И рай открылся для любви."
И Ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви.
[47]) Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ

---

[48]) Точки въ рукописи
[49]) Слѣдующіе 14 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ

Онъ былъ-бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ.
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,

Как трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой Демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ —
Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые
Земныя слезы уронилъ
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.

[*]) Эта строфа послѣ первоначальной, зачеркнутой:

Но кто-жъ она? Зачѣмъ закрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ?
И-ль это добровольный плѣнъ,
И ею радость позабыта?
И-ль краска черная одежд
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанья безъ надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ее
Старушка чуждая качала...
Но что-жъ бѣдное дитя,
Любовь-ли сердце испугала,
Опасность-ли — о томъ узнать

Никто не думалъ попытать...
(и проч. 20 стиховъ.)

[61]) О, зачѣмъ долженъ сонъ улетать.

[62]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ этого помѣщены еще слѣдующіе стихи:

Но впрочемъ онъ перемѣнится
Не могъ-бы: Это былъ лишь сонъ,
И, рано-ль, поздно-ль, пробудится
На вѣки долженъ былъ-бы онъ.
Успѣло зло укорениться
Въ душѣ его съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось-бы въ ней:
Его привить, имъ гордиться
Не могъ-бы Демонъ никогда:
Оно въ немъ было-бы чуждое
И сталъ-бы онъ несчастный вдвое.
Вліяніе на волну, когда
Отражается звѣзда:
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ серебристыя струи!
Но что-же? Блескъ тотъ, блескъ [небесный,
Не завладѣютъ имъ они
Ихъ — лучъ звѣзды той не согрѣетъ,
Онъ гаснетъ... и волна темнѣетъ!..
Злой духъ недолго размышлялъ:

Онъ не впервые отомщалъ!
Онъ образъ смертный принимаетъ...

[53]) Точки въ рукописи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщено продолженіе разговора начиная со стиха: „Затѣмъ мнѣ знать твои печали“ при чемъ послѣдній отвѣтъ Демона читается:

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со [мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая;
Мнѣ рай всюдѣ, гдѣ я съ тобой!

[54]) По другимъ рукописямъ, вмѣсто послѣднихъ десяти стиховъ, читается:

Не разъ, сбѣжавъ со скалъ круТыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельяхъ — и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ удивленье;
Но въ наше время ни чему
Нельзя нарушить тишину.

[55]) Точки въ рукописи

[54]) Это одна изъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы изъ 1832 и 1833 годовъ.

[55]) Первая строфа сходна съ напечатанной во 2 томѣ изданія 1873 года.

[56]) Остальныя строфы 1-й части т. е. 7—13 сходны съ соотвѣтствующими имъ печатанными въ 2-мъ томѣ изданія 1873 года; измѣненія встрѣчаются только въ 13, 16 и 19 строфахъ, какъ слѣдуетъ:

13.

. . . . . .
Въ немъ чувство вновь заговорило
Родимымъ когда-то языкомъ.
Тогда, исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть-можетъ, посланный Творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрылъ глаза свои крыломъ.
То былъ ли признакъ возрож-
[денья?...

16.

Затихло все... тѣснясь толпой,
На трупы владниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли...

19.

. . . . . .
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья
Имъ прошедшаго не жаль
Дѣти вольности воздушной,
Безъ желаній, безъ страстей,
Смотрятъ гордо, равнодушно
На волненія людей
Въ день томительный несчастья...

[59]) Строфы 1, 2, даже 4—7 сходны съ напечатанными въ изданіи 1873 года.

[60]) Далѣе, какъ въ томже изданіи

[61]) Десятая строфа какъ напечатано въ 1873 году

[62]) Послѣ какъ въ печатномъ, до второго отвѣта Демона

[63]) Какъ въ печатномъ съ 1873 года. Въ слѣдующимъ монологѣ

Демона есть новая вставка здѣсь помѣщена.

[44]) Какъ въ изданіи 1873 года, до стиховъ:

Все безутѣшно ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!

Тамара.

Къ чему мнѣ знать твои печали...

(и проч.)

[45]) Слѣдующее какъ въ изданіи 1873 года до стиха:

Несокрушимый мавзолей.

Послѣ того начинается монологъ Тамары:

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ
[случайный...

и далѣе съ прибавкою слѣдующихъ стиховъ:

И пусть другіе-бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались —
Міръ лучшій не доступенъ имъ!
Но не тебѣ, моей подругѣ...

[46]) Далѣе, какъ въ печатномъ

[47]) Тринадцатая строфа вполнѣ соотвѣтствуетъ предидущей печатной.

Запрещенныя стихотворенія.

А. А. О... У.

О ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародёръ,
На сей листокъ склони свой взоръ
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, сукинъ-сынъ!
Есть подлецы которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ,
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни —
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и г....
Твои блистаютъ имена;
Но прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ...

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Варіантъ четырехъ первыхъ стиховъ, помѣщенный въ „Библіографическихъ Запискахъ" (1859, №. 12):

Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

БАЛЛАДА.

(Изъ Байрона.)

Берегись! берегись! Надъ Бургосскимъ [путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ:
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда мавръ пришолъ въ нашъ родимый [долъ,
Осквернявши церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ [черенцовъ,
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла (я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить),
Когда возвратился тѣхъ мѣстъ господинъ,
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить
Хоть никто, не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ, но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ нераз я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять

Рождался ли сынъ — онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда-жъ прекратился сей родъ —
Онъ по звучнымъ полямъ, при блѣдной лунѣ,
Бродилъ и взадъ и впередъ . . .
1830.

БАЛЛАДА.

(Подражаніе Шиллеру.)

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ,
И, къ другу ласкаясь, такъ говоритъ:

„Достань ожерелье — спустися на дно:
„Сегодня въ пучину упало оно.

„Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!"
Вскипѣла лихая у юноши кровь.

И умъ его обнялъ невольный недугъ:
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ

Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся и мчатся назадъ.

И снова приходятъ и о берегъ бьютъ —
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ!

О, счастье! — онъ живъ онъ скалу [охватилъ...
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ [былъ...

Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ...
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ.

— Скажи, не люблю ияь люблю я тебя,
Для перловъ прекрасной и жизнь не [щадя?

— По слову спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно...

— Возьми! — И печальный онъ взоръ [устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.

Отвѣтъ былъ: „О, милый! о, юноша мой!
„Достань, если любишь, кораллъ доро- [гой!"

Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найдти иль кораллъ [иль конецъ.

Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся и мчатся назадъ.

И снова приходятъ и о̀ берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.

1829.

ВСТРѢЧА.

(Изъ Шиллера.)

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла...
Еще я зрю ее передъ собой:

Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ тотъ мигъ [чудесный
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою...
Я звукъ нашолъ, дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю.
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало [тѣсно —
И вмигъ они расторгли цѣпь свою,
Въ ней вспыхнули забытые видѣнья
И страсти юныя и вдохновенья...

1829.

---

10 ІЮЛЯ 1830 г.

(Французская революція.)

Опять вы гордые возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,

И снова знамя вольности кровавой
Явилося — побѣды мрачный знакъ!
Оно любимо прежде было славой.,..
. . . . . *)

ЗОВИ НАДЕЖДУ...

Во всѣхъ рукописяхъ эта пьеса читается съ такими измѣненіями!

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ.
Но вѣрь, о вѣрь моей любви.
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

ИЗМАИЛЪ БЭЙ.

Въ послѣднимъ изданіи опущено окончаніе VIII строфы I части:

*) Конецъ утраченъ

Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть — кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы!
Мила Черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
„Оставимъ мы утесы горъ;
„Пусть на тебя, Бешту суровый,
„Попробуютъ надѣть оковы!“
Такъ думалъ каждый — и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ робко онъ взираетъ
И облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

Опущены два заключительные стиха XII строфы I части:

Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

Опущены пять заключительныхъ стивовъ II строфы, II части какъ слѣдуетъ:

Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ!
„Отмсти, товарищъ!“ И въ одно мгно-
[венье
(Достойное за смерть убійцы мщенье)
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ — черкесской вольности костеръ!

Опущены четыре заключительные стиха XXIX строфы той же части:

И еслибъ страшное мгновенье
Всѣ силы не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы провидѣнье...

КЪ ГРАФИНѢ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія;
Такой станъ и талія,
Конечно, не встрѣтится,

И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

КЪ Е. А. СУШКОВОЙ.

И такъ прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
П р о щ а й! шесть буквъ приносятъ [столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ-быть — какъ знать — въ [послѣдній разъ.

1830.

КЪ НИНѢ.
(Изъ Шиллера)

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья прошлаго мечта!
На одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ лней.

Пусть навѣкъ съ златымъ мечтаньемъ —
Пусть тебѣ глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить;
Но, увы! ты любишь свѣтъ:
И любви моей какъ нѣтъ!

Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройдти?
Бури свѣта — волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?
1829.

---

* * *

Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма,
И хоръ гремитъ хвалебныхъ голосовъ,
Когда въ дыму кадилъ и ѳиміама
Святой обрядъ исполниться готовъ,
Когда всѣ въ прахъ склоняются смиренно,
Познавъ тщету земнаго бытія,
Тогда и я молюсь колѣнопреклоненно,
Но я молюсь не за себя.

О, мнѣ ужь не о чемъ молиться,
У неба нечего просить!
Пусть невозбранно совершится
То, что должно со мною быть.
Мой конченъ путь, гляжу безъ страха
И безъ надежды я впередъ,
Я сынъ земли, могилы, праха
И скоро прахъ меня возьметъ.
Мнѣ все равно, куда ни броситъ
Меня могучій вихрь судьбы;
Блаженства сердце ужь не проситъ,
Въ душѣ о счастьи нѣтъ мольбы.

Такъ я стою одинъ съ моей тоскою,
Нѣтъ ни одной молитвы за себя...
Съ покорною, безгвучною душою,
Предъ будущимъ смиряюсь я,
И какъ разбойникъ . . . . . .
Я говорю передъ Христомъ:
О помяни меня, Владыко,
Егда пріидеши во царствіи твоемъ!
Еще молюсь за тѣхъ, которымъ нѣтъ
[надежды,
Которые клянутъ угрюмый рокъ,
И только ждутъ, когда засыплетъ вѣжды
Могильный имъ песокъ...
Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили

Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили,
За тѣхъ молюся я!...

КОНЕЦЪ ГРУЗИНСКОЙ ПѢСНИ.

Ласкаетъ дѣву всякій день,
И что же?
Скрываются красы какъ тѣнь...
О, Боже!

Онъ опасается измѣны.
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь
Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился
И перлъ между рѣсницъ порой
Не бился...

Но армянинъ открылъ коварность!
Измѣну и неблагодарность
Какъ перенесть?...
Досада! месть!

Впервые васъ онъ только самъ
Извѣдалъ,
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ

МЕЛОДІЯ ЕВРЕЙСКАЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ,
Отъ нея разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись, и ловить берегись:
Обманчивы лучъ и волна!
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней
Отойдешь — и заблещетъ она.

Свѣтлой радости такъ безпокойный призракъ
Насъ манитъ подъ хладною мглой;
Ты къ нему — онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя;
Ты обманутъ — онъ вновь предъ тобой!

1830.

МОГИЛА БОЙЦА.

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ, былъ,
Зеленый дёрнъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися съ землей...
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей круговой...

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Волнъ, бьющихся у скалъ
Чета — любимицы бесѣдъ —
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но сей не тяжело;
И червь — движенья не боясь —
Ползетъ черезъ чело

На то-лъ онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужь пѣлъ объ немъ —
Но пѣснь — все пѣснь, а жизнь — все жизнь!
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ....
1830.

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка,
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды! вы ясны, какъ счастье мое!
„Чѣмъ ты несчастливъ?“
Скажутъ мнѣ люди.
— Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо —
Звѣзды и небо, а я — человѣкъ!
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ,
Я же, напротивъ,

Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы желалъ.
1831.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКАГО.

Вмѣсто первыхъ пяти стиховъ третьей строфы первоначально было написано:

Онъ былъ мой другъ... ужь нѣтъ та-
[кихъ друзей!

Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей
Нетронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

Вмѣсто 7 послѣднихъ стиховъ 4-й строфы было:

Какъ ожидать, что можетъ въ мигъ
[такой
Исполнить сердце, жившее такъ много
И такъ надолго смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять,
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья —
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поу-
[ченье.

ПАНЪ

(Въ древнемъ родѣ.)

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ [день,
Укрывшися въ лѣсовъ таинственную [сѣнь,
Или подъ вѣтвями развѣсистой рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою па- [стуховъ,
И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ [луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмѣль;
Въ одной рукѣ его стаканъ, въ другой [свирѣль;
Онъ учитъ пѣть меня — и я въ тиши [дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829.

ПЕРЧАТКА.

(Изъ Шиллера.)

Вельможи толпою стояли
И, молча, зрѣлища ждали:
Межь ихъ сидѣлъ
Королъ величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.

Вотъ — царскому знаку внимаютъ:
Скрипучую дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ,
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой —
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
И царь махнулъ снова —
И тигръ суровый
Дикимъ прыжкомъ
Влетѣлъ опасный,
И, встрѣтясь со львомъ,
Завылъ ужасно;

Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходитъ —
Глазъ кровавыхъ не сводитъ;
Но — рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.

Съ верху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки.
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.

И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
„Рыцарь, пытать я сердце люблю!
„Если сильна такъ любовъ у васъ,
„Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
„То подымите перчатку мою.“

И рыцарь съ балкона въ минуту [бѣжитъ —
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межь дикихъ звѣрей онъ [глядитъ —
И смѣлой рукой подымаетъ.

И зрители въ робкомъ вокругъ ожи-
даньи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ мол-
чаньи.
Но вотъ онъ перчатку приноситъ
назадъ.

Отвсюду хвала вылетаетъ,
И нѣжный, пылающій взглядъ —
Недальняго счастья закладъ —
Съ рукою дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
„Благодарности вашей не надобно мнѣ!“
И гордую тотчасъ покинулъ.

1829.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа по улицамъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта —
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета:

Волшебно озарился садъ.
Затѣйливо, разнообразно
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки.
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Вегерки мелкихъ штукарей
. . . . . *)
Толпы, пріѣзжихъ иноземцевъ.
Татаръ, черкесовъ и армянъ,
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ
И долговязыхъ англичанъ —
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ:

---

*) Все точки этого стихотворенія означаютъ мѣста, которые авторъ въ рукописи чернилами замаралъ.

И сверху ярко освѣщалось
Огнями стклянокъ расписныхъ.
Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стоялъ,
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный мечталъ
О бѣлыхъ . . . . . .
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный.
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ и чешетъ онъ . . . .
„Дуракъ, два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!
Нѣтъ! видишь, гонятъ какъ скотину:
Ступай-де въ садъ, да губъ не дуй,
Горою глаза, натяни досину,
Сожми брови, поставь . . . . .
А пуще — смиренъ будь дорогой —
Не урони съ г . . . . . ъ лотка,
. . . . . не трогай...
. . . . . тоска!“

Умолкъ, покинувъ головою...
Народъ толпой шумитъ вокругъ...
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумленъ:
Романа чуднаго развязку
Ужь предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой
И ухватилъ, о восхищенье!
За титьку женскую рукой.
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Предъ нимъ хорошенькая.....
Вдругъ вырвалась и ну бѣжать.
Онъ ловитъ платье — трудъ напрасный!
И по дорожкамъ, по мостамъ,
Быстро какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То, удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То дразнитъ дерзко языкомъ;
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже — онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша,
Кричитъ: „постой, моя душа!“

Куда! красавица не слышитъ;
Она все далѣе бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышетъ
И шляпка на спинѣ виситъ.
Вдругъ споткнулась, отступилась,
Въ травѣ запуталась ногой —
И . . . . . .
Стремглавъ на землю повалилась.
А нашъ повѣса тутъ какъ тутъ,
Съ разбѣгу хлопъ на дѣву прямо

„Помилуйте! въ васъ тридцать пудъ!
„Какъ эдакъ обращаться съ дамой...
„Подите прочь! ай-ай!“ — Молчать! —
„Пустите!“ — Ну! . . . . . .

Все было тихо Кустъ зеленый
Склонился мирно надъ четой...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
„Да что вы? что вы?“ . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
„Ахъ, Боже мой! Какой задорный!

„Пустите!... мнѣ домой пора...
„Кто вамъ сказалъ, что я такая?...“
— На лбу написано проклятая!...
Милая . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И закатился взоръ прекрасный,
И къ пышной груди въ этотъ мигъ
Она прижала сладострастно
Его угрюмый, красный ликъ...

— Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ? —
„Малашей“. — Ну прощай, Малаша! —
„Куда-же?“ — Развѣ киснуть тутъ?
Болтать не любитъ братья наша...
Еще въ лѣсу не ночевалъ
Ни разу я. — „Да развѣ ларомъ?“
Повѣсу обдало какъ варомъ;
Онъ молча . . . . почесалъ.
— Стыдись! потомъ онъ молвилъ важно:
— Ужели я красой продажной

Въ сію минуту обладалъ?
Нѣтъ я не вѣрю! — „Какъ не вѣришь?
„Ахъ, сукинъ-сынъ! подлецъ! ду-
[ракъ!...“
— Молчать! иль подыму кулакъ
. . . . . .
Ты знай: я не балую дуръ...
Я не даю . . . . . par amour...
И такъ тебѣ не заплачу я.
Но если ты простая .....,
Тогда за честь должна считать
Знакомство . . . . . ! —

И, пріосанясь, рыцарь нашъ
Насупилъ брови, покосился,
Подъ мышку, молча, взялъ палашъ,
Далъ ей пощечину и скрылся.
И ночью въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межь друзьями,
Онъ рекъ, съ колѣнъ счищая грязь:
„Блаженъ, кто не знакомъ . . . . . !
Блаженъ, кто подъ-вечеръ, въ саду
Красотку добрую находитъ,
Бѣжитъ за ней, интрижку сводитъ,
И плюхой платитъ . . . . . “

1834.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Настанетъ годъ — Россіи черный годъ —
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь:
Когда дѣтей, когда невинныхъ жонъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить . . . . . .
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать...
И станетъ голодъ бѣдный край терзать,
И зарево окраситъ волны рѣкъ!
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь — и поймешь
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя!... твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ...

1830.

* * *

Пусть міръ нашъ прекрасенъ, пусть
[жизнь хороша,
Пусть свѣтъ не похожъ на неволю,
Пусть есть въ немъ и счастье; но пла-
[четъ душа
И рвется на волю!
Найдите, кому бы я могъ уступить
Мой вѣкъ молодой, своевольный?
Вѣдь многимъ же весело, радостно жить
И многіе жизнью довольны;
А мнѣ въ мірѣ скучно, мнѣ жизнь не
[нужна,
Ее я отдамъ не жалѣя;
Чѣмъ свѣтитъ, чѣмъ блещетъ, чѣмъ
[грѣетъ она —
Возьмите, возьмите скорѣе!
И мѣсто на солнцѣ, и радостный день,
И нѣгу вечерней прохлады...

. . . . . .

. . . . . .

Хотите страданья? и ихъ я отдамъ,
Отдамъ вамъ и слезы и стоны —

. . . . . .

. . . . . .

Возьмите — и дайте взамѣнъ мнѣ одно —
Забвенье, забвенье, забвенье...
Оставьте лишь вѣру, чтобъ въ области звѣздъ
Я могъ у престола Его вы
Сложить безъ упрека тяжелый мой крестъ!...

. . . . . .

* * *

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mon cœur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparâit,
Je maudis et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paráit vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!

1830.

РАСКАЯНІЕ.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?
Она была добра къ тебѣ —
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безмысленный, ты обладалъ
Душою чистой, откровенной.
Всеобщимъ зломъ незараженной —
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И — долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной,
Ты презрѣлъ все. Между людей
Стоишь какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ дастъ намъ радость
Взаимной страстью веселя,
Безъ утѣшенія томя,
Пройдетъ и жизнь твоя какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтилъ ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Падн, падн къ ея ногамъ;
Не, то ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврата:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.
1830.

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки [веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная [келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.

Слеза по щекѣ огневая катится —
Она не изъ сердца идетъ
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью,
[хранится,
То въ немъ и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожа-
[лѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ;
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ про-
[летѣвшихъ.
Но я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былаго призракъ,
Онъ вновь призываетъ къ оставленной
[сѣни.
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ — безъ надеждъ
[воротиться —
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

1831.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый [разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужь цѣлый [часъ
Лежишь — и страха все не превозмогъ...
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что деньги? Я тебя люблю! люблю!

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна —
И мимо ты идешь, бывало... да!
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межь [тучь
Блуждала, на тебя кидая лучь...
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ —
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье, но — позоръ?
Повѣрь: невинныхъ женщинъ вовсе [нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ

Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ
[въ грѣхъ
Та — одного, та — многихъ, эта —
[всѣхъ...

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья лѣтъ младыхъ
И даже не гордилась красотой
Въ пятнадцать лѣтъ — по волѣ злой
[судьбы —
Я продана... мужчинѣ! — Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня...
Съ-тѣхъ-поръ я гибну, гибну день отъ
[дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ
[даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ...
О, наслаждайся! Ты мой властелинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ-быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ
[тебя.
Мой другъ! чего не вынесешь любя!
1830.

СЪ ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЕЙ ОТРЫВОКЪ.

Послѣ первоначальныхъ набросковъ стихотворенія: „Памяти А. И. Одоевскаго," опять написана строфа, неизвѣстно откуда. Ей предшествуетъ стихъ, котораго нельзя разобрать:

I.

. . . . . .
Калитка скрипъ. Дворъ грязный. По-
[дошли.
Идти неловко. Вотъ на-силу сѣни
И лѣстница, по снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь, и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: „что угодно вамъ?"
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво.

Потомъ слѣдуетъ еще совершенно отдѣльная строфа:

II.

Я врагъ Невы и невскому туману:
Тамъ новый вѣкъ развилъ свою чуму —
. . . . . *) вредны русскому кар-
[ману,
Занятья вредны русскому уму;
Тамъ жизнь тяжка, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ финскаго залива.
Москва не то! Покуда я живу —
Клянусь, клянусь не разлюбить Москву!
(Тамъ я впервые, въ дни надеждъ и
[счастья
Былъ болѣнъ отъ любви и любострастья).

Послѣ этого помѣщена Молитва („Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою ..“), при чемъ третья строфа (печатныхъ экземпляровъ) поставлена прежде первыхъ. Поправки неразборчивы

За „Молитвою“ слѣдуетъ стихотвореніе:

III.

Ахъ! нынѣ я не тотъ совсѣмъ
Меня друзья бы не узнали,

---

*) Не разобрано.

И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ;
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей — явилися морщины
И ненавистныя сѣдины.
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье,
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся ..
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіятскія движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно! полно! я любилъ,

Я чувствъ своихъ не измѣнилъ!..
. . . . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ одиѣхъ лишь крайностяхъ горитъ,
И вѣчно (тщетно рокъ свирѣпый
Возсталъ) меня не охладитъ —
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Попыиѣ всюду за Мазепой..
. . . . . .

* * *

Ты зналъ ли дикій край подъ звѣздными [лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ?
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань [несутъ?
Гдѣ сердце жителей волнуемо стра- [стями?
И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень;
Но мощь ихъ давится безвременной [тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный [пламень.

Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для
[людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и
[цѣпей —
Другъ! этотъ край... моя отчизна!
1829.

УЛАНША.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсь усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужь поздно. Темной синевою
Покрылось небо; день угасъ.
Повѣсы ропщутъ: " . . . . . !
Стервецъ, пожалуй, здакъ насъ
Прогонитъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?...
Ты, братецъ, отдавилъ мнѣ ногу!...
Дай трубку!... тише! . . . . . .
Вотъ подняли опять тревогу!...
Но вотъ Ижорка! слава Богу!
Пора расклашяться съ конемъ..."

Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;

Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой
Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто въ день два раза не пьянъ,
Тотъ — извините — не уланъ!

Сказать вамъ имя квартиргера;
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни допель-кюммель, ни мадера,
Ни даже шумное ан
Ни разу сладить не могли.
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ...
Ну, словомъ, все — походка, рожа
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ — и все гремитъ на немъ.
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
Шумя, какъ бѣсъ, въ избу онъ входитъ
Пошелъ, скользя, валится съ плечъ,
Кругомъ онъ дико взоры водитъ
И мнитъ, что видитъ сотни свѣчъ

Въ избѣ-жь всего одна лучина:
Треща, дымясь, горитъ она:
Но что за дивная картина
Ея лучемъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ та-
[башный
Мелькаютъ лица юнкеровъ;
Ихъ рожи пьяны, взоры страшны;
Кто въ збруѣ весь, кто безъ штановъ —
Пируютъ. Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ.
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
„Народъ!“ сказалъ Лафа, рыгая:
„Что тутъ зѣвать? за мной ступай!
„Я укажу вамъ двери рая:
„Что за красавица лихая!
„. . . . — хоть ложками хлебай . . .
„Одно скажу, что прежде, други,
„Намъ надо очередь завесть:
„Предъ чортомъ всѣ равны услуги.
„Однако надо знать и честь.
„Сперва мы маленькихъ пошлемъ:
„Пускай . . . . . собаки!
„А мы же, грозные . . . . . .
„Всегда, вездѣ свое возьмемъ“
Идутъ — и, разъярясь какъ звѣри,

Они всѣ кинулись — и вдругъ
Съ тяжелой и дебелой двери
Какъ разъ слетѣлъ желѣзный крюкъ.
Держись, несчастная красотка!
Ужасны молодцы мои,
Когда едреная чесотка
Вдругъ нападетъ . . . . . .
Они, въ пылу самозабвенья,
Ни слезъ, ни жаркаго моленья,
Ни тяжкихъ воплей не поймутъ:
Они накинутся толпою...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Увы! въ пунцовомъ сарафанѣ
Въ пустой амбаръ ужь ты заранѣ
Пришла подъ сѣнью мглы ночной,
Танюша! трепетной рукой
Ты стелешь сладостное ложе.
Но вотъ и крикъ и гамъ повѣсъ:
Они идутъ! пришли! О, Боже!
Но скоро, скоро страхъ исчезъ...
Заколыхались жарко груди..
Закрой глаза, Творецъ небесъ!
Зажмите уши, добры люди!...

На утро дневное свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ,
И кровли спящія домовъ
Лучомъ багровымъ озарило.
Вдругъ слышенъ крикъ: „вставай ско-
[рѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны!“
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.
Мирзу не шпоритъ ратникъ смѣлый:
Князь, носъ къ сѣдлу склонивъ, при-
[легъ —
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ за курокъ.
Идутъ и видятъ — изъ амбара
Выходитъ женщина, блѣдна̀,
Худа, скверна̀, какъ божья кара,
Истощена . . . . . .
Глаза померкнувшіе впали,
Въ багровыхъ пятнахъ ликъ и грудь,
. . . . . — страхъ взглянуть..
Ужель Танюша? Полно, та ли?
Одинъ Лафа ее узналъ,
И грозно, тишину наруша,
Съ подъятой дланію сказалъ:
„Миръ праху твоему, Танюша!“

Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
На вѣки сохранила ей
Уланши грозное прозванье.

1834.

ЦЕВНИЦА.

На склонѣ горъ, близь водъ, прохожій,
[зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ
[акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и
[грацій,
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣян-
ныхъ весной;
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млеч-
[ной
Струился ароматъ; шумя съ прибреж-
[ной ивой,
Шутилъ подъ часъ зефиръ и рѣзвый
[и игривый;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь.

Сокрылось все теперь! Такъ поутру [туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь [поляны.
Исчезло все теперь; но ты осталась [мнѣ —
Утѣха страждущихъ, спасенье въ ти- [шинѣ —
О, милое души святое вспоминанье!
Тебѣ-жь, о мирный кровъ тѣхъ дней, когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный [рокъ —
Мое веселіе ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчи- [вой цевницей!

1828.

ЭКСПРОМПТЪ НА КНЯГИНЮ ЩЕРБАТОВУ И БАРАНТА.

Ахъ, какъ мила моя княгиня!
За ней волочится французъ —
Хотя лицо у ней какъ дыня,
За то и . . . . какъ арбузъ.

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной [мглѣ!
Я здѣсь! стою близь моря на скалѣ!
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для [людей,
И никому тоски повѣрить не желая
Вблизи меня палатка рыбарей;
Межь нихъ блеститъ огонь госте- [пріимный;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька,
И внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ Душой
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый [рой...
И что-жь! слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь.
Года погибшіе являются всечасно
И этотъ взоръ задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!..

Онъ все передо мной — я все твержу напрасно
О, еслибъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность —
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ!
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность.
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала!
Кто чувствовалъ какъ я, чтобъ чувствовать страданья!
Кто рано свѣтъ узналъ, и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!

1830.

ЭПИГРАММА НА О. И. СЕНКОВСКАГО.

Подъ фирмой иностранной иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ —
Бранится пòшло: ясно нѣмецъ,
Похвалить: видно что полякъ.

ЭПИГРАФЪ КЪ СТИХУ „НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ —
Будь справедливъ, и накажи убійцу —
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ немъ примѣръ

(Изъ неизданной трагедіи „Венцеслава“.)

КОНЕЦЪ.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Содержаніе.

Демонъ.

Часть первая 5
Часть вторая 21
Посвященіе 52
Второе Посвященіе 53
Второй очеркъ Демона . . . 55
Новый очеркъ Демона . . . 77
Примѣчанія и варіанты . . . 93

Запрещенныя стихотворенія.

А. А. Θ . . . . У. 113
Ангелъ смерти 114
Баллада (изъ Байрона) . . . 114
Баллада (подражаніе Шиллеру) 115
Встрѣча 117
10 Іюля 1830 г. 118
Зови надежду 119
Измаилъ Бэй 119
Къ графинѣ Мусиной-Пушкиной 121
Къ Е. А. Сушковой 122
Къ Нинѣ 122

Когда стою подъ древнимъ . . 123
Конецъ грузинской пѣсни . . 125
Мелодія еврейская 126
Могила Бойца 127
Небо и звѣзды 128
Памяти А. И. Одоевскаго . . 129
Панъ 130
Перчатка 131
Петергофскій праздникъ . . . 133
Предсказаніе 140
Пусть міръ нашъ прекрасенъ . 141
Quand je te vois sourire . . . 142
Раскаяніе 143
Романсъ 144
Склонись ко мнѣ, красавецъ . 146
Съ черновыхъ тетрадей отрывокъ 148
Ты зналъ ли дикій край... . 151
Уланша 152
Цевница 157
Экспромптъ на княгиню Щербатову и Баранта 158
Элегія 159
Эпиграмма на О. И. Сенковскаго 161
Эпиграфъ къ стиху „На смерть Пушкина“ 161

Библиотека ИМЭЛ

Наумбургъ, въ типографіи Г. Петца
(О. Гауталь).

1066
94